Гражданско-правовые последствия признания муниципальных контрактов недействительными: реституция, добросовестность и распределение рисков

Стамплевский Антон Владимирович
Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тверской области, tgfpmp@gmail.com,

Гольдвирт Елизавета Константиновна
руководитель аппарата Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Новгородской области, elizabet_g@inbox.ru

В статье исследуются гражданско-правовые последствия признания муниципальных контрактов недействительными вследствие нарушения порядка определения поставщика, предусмотренного Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Анализируется соотношение статей 167, 168, 10 и 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в контексте споров о взыскании денежных средств по фактически исполненным контрактам.
Обосновывается, что признание контракта ничтожным направлено на защиту публичного интереса, однако само по себе не предопределяет характер имущественных последствий. Раскрывается восстановительная природа реституции как базовой модели последствий недействительности сделки, предполагающей эквивалентность встречных предоставлений сторон.
Формулируется вывод о том, что взыскание денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у заказчика допустимо лишь при доказанности недобросовестного поведения исполнителя, включая участие в обходе конкурентных процедур либо злоупотребление правом. В отсутствие таких обстоятельств применение последствий, приводящих к одностороннему имущественному взысканию, не соответствует правовой природе последствий недействительности сделки, закреплённых в статье 167 ГК РФ.
Предлагается подход к разграничению последствий недействительности сделки и неосновательного обогащения с учётом их функциональной и нормативной природы. Обосновывается модель распределения рисков, в соответствии с которой риск процедурных нарушений закупки возлагается на заказчика как субъекта, осуществляющего контроль за процедурой, при отсутствии доказанного участия исполнителя в нарушении.
Сделан вывод о необходимости дифференцированного правоприменения, исключающего автоматическое применение последствий недействительности сделки, приводящих к одностороннему имущественному взысканию.
Ключевые слова: муниципальный контракт, недействительность сделки, ничтожность сделки, реституция, неосновательное обогащение, добросовестность, публичный интерес, распределение рисков, контрактная система, одностороннее имущественное взыскание.

Введение

В последние годы в арбитражной практике получила развитие категория споров, связанных с признанием недействительными (ничтожными) муниципальных и государственных контрактов, заключённых по основаниям, предусмотренным пунктами 4 и 5 части 1 статьи 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ). Значительная часть подобных споров инициируется прокурорами в интересах публично-правовых образований и сопровождается требованиями о применении последствий недействительности сделки в виде взыскания с поставщика (подрядчика, исполнителя) всей суммы полученного вознаграждения.

Формально предметом судебного контроля выступает соблюдение заказчиком процедуры определения поставщика. Вместе с тем содержание соответствующих правовых конфликтов не сводится исключительно к оценке процессуальной корректности осуществления закупки. В центре спора оказывается вопрос о допустимости взыскания денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у заказчика в отсутствие установленных судом обстоятельств недобросовестности исполнителя.

Таким образом, исследуемая проблема носит межотраслевой характер и затрагивает фундаментальные категории гражданского права: природу ничтожности сделки, содержание и пределы реституции, соотношение институтов недействительности сделки и неосновательного обогащения, а также принцип добросовестности участников гражданского оборота [11, 12].

Особую значимость исследуемой проблеме придаёт отсутствие единообразия судебной практики. В одних случаях суды исходят из необходимости применения двусторонней реституции либо отказа в применении последствий недействительности при отсутствии доказанной недобросовестности исполнителя. В иных случаях, признавая контракт ничтожным, суды квалифицируют полученные исполнителем денежные средства как неосновательное обогащение и взыскивают их в полном объёме, ссылаясь на положения главы 60 ГК РФ и пункт 4 статьи 1109 ГК РФ.

Сложившаяся практика свидетельствует о наличии методологического расхождения между публично-правовой оценкой нарушения законодательства о контрактной системе и частноправовыми принципами распределения имущественных последствий недействительности сделки. Ничтожность контракта, изначально призванная служить инструментом защиты публичного интереса, в ряде случаев используется как основание для взыскания денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у заказчика, что в отсутствие доказанной недобросовестности исполнителя вступает в противоречие с правовой природой института недействительности сделки.

Предметом настоящего исследования выступает проблема допустимости трансформации института ничтожности публичного контракта в механизм взыскания денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у публичного заказчика при отсутствии установленного злоупотребления правом либо антиконкурентного соглашения.

Постановка указанного вопроса требует обращения к доктринальным основаниям недействительности сделки и реституции, а также к анализу соотношения специальных норм законодательства о контрактной системе с общими положениями гражданского права.

Для достижения указанной цели в статье анализируется доктринальное понимание института недействительности сделки, исследуется соотношение положений статей 167 и 1109 ГК РФ, оценивается значение принципа добросовестности в распределении имущественных последствий, рассматривается судебная практика арбитражных судов и формулируется модель дифференцированного правоприменения.

Научная новизна исследования заключается в обосновании разграничения публично-правовой оценки процедурного нарушения законодательства о контрактной системе и частноправовых последствий недействительности сделки, а также в формулировании критериев, позволяющих дифференцировать случаи допустимой реституции и недопустимого взыскания денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у заказчика в контексте правоприменительной практики. В отличие от подходов, сводящих проблему к квалификации сделки как ничтожной либо к вопросу о наличии неосновательного обогащения, в настоящем исследовании предлагается рассматривать последствия недействительности через призму распределения рисков, сферы контроля процедурного дефекта и доказанности субъективного элемента поведения сторон.

Практическое значение предлагаемого подхода состоит в выработке критериев, позволяющих судам разграничивать случаи, в которых признание контракта недействительным влечёт исключительно устранение его юридической силы, и случаи, в которых допустимо возложение на исполнителя неблагоприятных имущественных последствий, включая взыскание денежных средств при сохранении результата исполнения у заказчика при доказанном недобросовестном участии в обходе закона.

Исследование основано на анализе положений Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона № 44-ФЗ, судебной практики арбитражных судов Тверской и Новгородской областей, а также на трудах отечественных цивилистов (Е.А. Суханова, Р.С. Бевзенко, А.Г. Карапетова, С.В. Сарбаша, К.И. Егорова, А.В. Коновалова и др.).

Методологическую основу работы составляют формально-юридический метод, метод системного толкования норм права, сравнительный анализ судебной практики и метод правового моделирования.

1. Ничтожность муниципального контракта: публичный интерес и пределы его защиты

В силу пункта 2 статьи 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона и одновременно посягающая на публичные интересы либо права и законные интересы третьих лиц, является ничтожной, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться иные последствия нарушения.

В сфере контрактной системы публичный интерес выражается в обеспечении конкуренции, прозрачности закупок, рационального использования бюджетных средств, а также в предотвращении коррупционных и антиконкурентных практик. Нарушение порядка определения поставщика, предусмотренного Законом № 44-ФЗ, в судебной практике нередко квалифицируется как посягательство на указанные публичные ценности [5].

Признание контракта ничтожным в подобной ситуации направлено на устранение юридического эффекта сделки, заключённой с нарушением императивных требований закона. Тем самым реализуется охранительная функция гражданского права, направленная на обеспечение соответствия гражданского оборота императивным требованиям правопорядка [11].

Однако признание сделки ничтожной не тождественно установлению недобросовестности её участников [13]. Ничтожность возникает в силу самого факта несоответствия сделки императивным требованиям закона и не предполагает автоматического вывода о наличии противоправной цели либо злоупотребления правом со стороны каждой из сторон [12].

Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для последующего определения имущественных последствий недействительности сделки.

В российской цивилистической доктрине недействительность сделки традиционно рассматривается как средство защиты правопорядка, а не как мера гражданско-правовой ответственности [12]. Недействительность устраняет юридическую силу волеизъявления, противоречащего закону, но не преследует цели наказания стороны за допущенное нарушение.

Цель института недействительности заключается в восстановлении правового положения, существовавшего до совершения порочной сделки, либо в приведении имущественного положения сторон в состояние, максимально приближенное к исходному [11]. Именно поэтому последствия недействительности сделки регламентируются статьёй 167 ГК РФ как восстановительные по своей природе, а не санкционные.

Следовательно, признание муниципального контракта ничтожным по основанию нарушения процедуры закупки направлено на охрану публичного интереса, однако само по себе не предопределяет характер имущественных последствий для каждой из сторон. Вопрос о применении реституции и её объёме подлежит самостоятельной оценке с учётом принципов гражданского права, включая добросовестность, равенство участников оборота и недопустимость извлечения преимущества из незаконного поведения.

На стадии определения последствий недействительности возникает ключевая теоретическая проблема — допустима ли трансформация защиты публичного интереса, реализуемой через признание сделки ничтожной, в одностороннее имущественное взыскание с частного контрагента при сохранении у публичного образования результата исполнения [12].

Разрешение данного вопроса невозможно без обращения к природе реституции как самостоятельного гражданско-правового института, что требует отдельного анализа.

2. Реституция как восстановительный механизм: природа и пределы применения

В соответствии с пунктом 2 статьи 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а в случае невозможности возврата в натуре — возместить его стоимость, если иные последствия недействительности не предусмотрены законом. Данная норма закрепляет базовую модель двусторонней реституции как общее правило последствий недействительности сделки.

В цивилистической доктрине реституция традиционно рассматривается как восстановительный институт, направленный на возвращение сторон в первоначальное имущественное положение (status quo ante) [11]. Её содержание определяется не идеей наказания стороны, допустившей нарушение, а принципом эквивалентности и устранения правового основания, на котором происходил обмен имущественными предоставлениями [14].

Исторически реституция восходит к римско-правовой конструкции restitutio in integrum, предполагающей восстановление нарушенного правового состояния. Современное российское регулирование развивает данную идею, закрепляя двусторонний характер реституции как презумпцию. Взаимность возврата обусловлена тем, что недействительная сделка, несмотря на отсутствие юридической силы, может повлечь фактическое перемещение имущественных благ, которое подлежит корректировке с точки зрения правопорядка.

Существенным признаком реституции является её симметричность: каждая сторона возвращает полученное. Если предоставление невозможно возвратить в натуре (например, когда речь идёт о выполненной работе или оказанной услуге), применяется денежная компенсация стоимости встречного предоставления. Данный механизм направлен на исключение неэквивалентного перераспределения имущественных благ [14].

В судебной практике высших судебных инстанций (в частности, в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации) неоднократно подчёркивалось, что при исполнении недействительной сделки взаимные предоставления предполагаются равными, пока не доказано иное. Это означает, что презумпция эквивалентности лежит в основе применения статьи 167 ГК РФ. Отступление от данной презумпции требует наличия специальных оснований, прямо предусмотренных законом либо вытекающих из характера нарушения.

Таким образом, реституция по своей природе является инструментом восстановления имущественного баланса, а не механизмом санкционного воздействия.

Общее правило двусторонней реституции может быть ограничено в строго определённых случаях. Гражданское законодательство предусматривает возможность применения иных последствий недействительности сделки, если они прямо установлены законом (например, статья 169 ГК РФ), либо если применение реституции будет противоречить основам правопорядка или нравственности (пункт 4 статьи 167 ГК РФ).

Указанные исключения носят ограничительный характер и подлежат узкому толкованию [12]. Они предполагают наличие обстоятельств, свидетельствующих о противоправной цели сделки либо о грубом злоупотреблении правом со стороны её участников. Применение иных последствий не может выводиться из общих соображений целесообразности либо из самой по себе ничтожности сделки [5].

В контексте муниципальных контрактов, признанных ничтожными по основанию нарушения процедуры закупки, возникает вопрос: достаточно ли самого факта процедурного дефекта для отступления от двусторонней модели реституции?

Если признание сделки ничтожной обусловлено нарушением порядка определения поставщика, но при этом отсутствуют доказательства антиконкурентного соглашения, представления недостоверных сведений или иного злоупотребления правом со стороны исполнителя, отступление от симметричной модели реституции допустимо только при наличии специального обоснования.

В противном случае институт недействительности сделки утрачивает свой восстановительный характер и трансформируется в механизм перераспределения имущественных потерь в пользу одной из сторон — публичного образования, что не в полной мере согласуется с правовой природой статьи 167 ГК РФ.

Особое значение в рассматриваемой категории дел приобретает ситуация, когда результат исполнения (работы, услуги) объективно не может быть возвращён в натуре и уже используется публичным субъектом в общественно значимых целях. В таких условиях применение двусторонней реституции предполагает обязанность заказчика возместить стоимость полученного результата. Отказ в таком возмещении при сохранении результата у заказчика приводит к формированию одностороннего имущественного результата, не обусловленного принципом эквивалентности.

Следовательно, сам по себе факт ничтожности сделки не является основанием для одностороннего имущественного взыскания.

В практике рассмотрения споров о недействительности муниципальных контрактов нередко применяется конструкция неосновательного обогащения, основанная на положениях главы 60 ГК РФ. Суды, признавая контракт ничтожным, квалифицируют полученные исполнителем денежные средства как приобретённые без правового основания и применяют нормы статьи 1102 ГК РФ с учётом ограничений, предусмотренных статьёй 1109 ГК РФ [7-10].

Однако такое применение требует осторожного доктринального анализа.

В соответствии со статьёй 1103 ГК РФ положения о неосновательном обогащении применяются к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке, если иное не вытекает из существа отношений. Данная норма указывает на субсидиарный характер главы 60 ГК РФ по отношению к специальному регулированию последствий недействительности сделки [15].

Существо реституционных отношений заключается в восстановлении имущественного положения сторон, а не в установлении факта безосновательного приобретения имущества в классическом смысле статьи 1102 ГК РФ [12]. Реституция возникает как прямое следствие признания сделки недействительной и регулируется специальной нормой — статьёй 167 ГК РФ. Следовательно, обращение к институту неосновательного обогащения возможно лишь в той части, в какой специальные правила не содержат необходимых указаний.

Применение пункта 4 статьи 1109 ГК РФ, исключающего возврат неосновательного обогащения при осведомлённости лица об отсутствии обязательства, предполагает установление конкретных обстоятельств, свидетельствующих о знании получателя денежных средств о порочности основания [15]. Перенос данной конструкции на сферу реституции по недействительной сделке не может осуществляться автоматически.

В противном случае возникает риск подмены правовой квалификации: вместо оценки характера реституционных последствий осуществляется оценка субъективного отношения стороны к заключению сделки, что придаёт восстановительному механизму элементы санкционного воздействия. Разграничение реституции и неосновательного обогащения в этой связи имеет принципиальное значение для определения характера возникающих имущественных последствий. От правильного выбора применимого института зависит вывод о допустимости одностороннего имущественного взыскания и соответствии решения базовым началам гражданского законодательства.

3. Соотношение статей 167 и 1109 ГК РФ и пределы одностороннего имущественного взыскания

Статья 167 ГК РФ представляет собой специальную норму, непосредственно регулирующую последствия недействительности сделки. Системное толкование данной нормы в совокупности с пунктом 2 статьи 168 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что ничтожность сделки и её последствия образуют единую конструкцию, в рамках которой обязанность возврата возникает непосредственно из предписания закона о последствиях недействительности [11]. Это означает, что соответствующее реституционное требование не основывается на отсутствии правового

основания в момент передачи имущества, а возникает вследствие признания сделки недействительной [12].

Данное обстоятельство отличает реституцию от классического неосновательного обогащения. В последнем случае правовое основание изначально отсутствует или отпадает независимо от признания сделки недействительной. В реституции же основанием является специальное предписание закона о возврате при недействительности.

Именно поэтому применение главы 60 ГК РФ возможно лишь постольку, поскольку специальные нормы о последствиях недействительности не регулируют конкретную ситуацию [15].

Пункт 4 статьи 1109 ГК РФ устанавливает, что не подлежат возврату денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата, знало об отсутствии обязательства.

Данная норма направлена на предотвращение злоупотребления правом со стороны лица, сознательно исполнившего несуществующее обязательство [13]. Она предполагает доказанную осведомлённость о юридической порочности основания и направлена на защиту устойчивости гражданского оборота от недобросовестных притязаний.

Однако в делах о признании муниципальных контрактов ничтожными по основанию нарушения порядка закупки в судебной практике встречаются случаи расширительного толкования данной нормы [7–10]. Осведомлённость исполнителя о порочности сделки выводится судами из его «профессионального статуса» участника закупочной деятельности, что фактически формирует презумпцию знания им всех процедурных дефектов, допущенных заказчиком.

Такой подход вызывает дискуссию в доктрине и правоприменительной практике с точки зрения системного толкования гражданского законодательства.

Во-первых, презумпция добросовестности участников гражданского оборота закреплена в пункте 5 статьи 10 ГК РФ. Отступление от неё допустимо лишь при наличии доказательств конкретных обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении правом или ином недобросовестном поведении.

Во-вторых, знание закона не тождественно знанию конкретного нарушения процедуры закупки. Процедура определения поставщика организуется и контролируется заказчиком, в связи с чем возложение на исполнителя риска выявления допущенных заказчиком процедурных дефектов требует специального нормативного обоснования, которого действующее законодательство не содержит [14].

В-третьих, применение пункта 4 статьи 1109 ГК РФ к реституционным отношениям возможно лишь при условии доказанности осведомлённости о несуществовании обязательства в момент исполнения. В рассматриваемой категории дел обязательство формально возникло на основании заключённого контракта, который действовал до признания его ничтожным. Исполнитель осуществлял деятельность в рамках подписанного договора, а не в условиях очевидного отсутствия юридического основания.

Следовательно, квалификация полученных денежных средств как неосновательного обогащения на основании лишь факта ничтожности сделки без установления субъективной противоправной цели не соответствует буквальному и системному содержанию статьи 1109 ГК РФ.

В доктрине и судебной практике подчёркивается, что применение последствий недействительности сделки, приводящих к одностороннему имущественному взысканию, допускается в строго определённых случаях, например, при совершении сделки с противоправной целью (статья 169 ГК РФ) либо при доказанном злоупотреблении правом [12]. Однако указанные случаи связаны с прямо предусмотренными законом специальными последствиями либо с квалификацией сделки по статье 169 ГК РФ. Расширительное толкование данных исключений применительно к полностью исполненным муниципальным контрактам не вытекает непосредственно из текста статьи 167 ГК РФ и требует дополнительного нормативного обоснования, поскольку в противном случае возникает риск придания реституции элементов санкционного воздействия.

Применение последствий недействительности сделки, приводящих к одностороннему имущественному взысканию при отсутствии установленных обстоятельств недобросовестности, деформирует природу института недействительности сделки. Реституция превращается из механизма восстановления имущественного баланса в инструмент санкционного воздействия [11].

Особую значимость это приобретает в случаях, когда результат исполнения обладает общественно полезным характером и продолжает использоваться публичным образованием. Взыскание с исполнителя всей суммы полученного вознаграждения при сохранении результата у заказчика фактически приводит к возникновению у последнего имущественного преимущества, не основанного на эквивалентном встречном предоставлении.

Подобная ситуация вступает в противоречие с пунктом 4 статьи 1 ГК РФ, закрепляющим принцип недопустимости извлечения преимущества из незаконного или недобросовестного поведения. Если процедурное нарушение допущено заказчиком, именно на него возлагается риск правовых последствий его действий, при отсутствии доказательств участия исполнителя в обходе закона [14].

Таким образом, применение последствий недействительности сделки, влекущих одностороннее имущественное взыскание, в рассматриваемой категории дел допустимо лишь при установлении совокупности обстоятельств, свидетельствующих о совместном недобросовестном поведении сторон либо о сознательном участии исполнителя в антиконкурентной модели. В отсутствие таких обстоятельств данный подход не согласуется с восстановительной (компенсационной) природой последствий недействительности сделки, закреплённой в статье 167 ГК РФ.

4. Принцип добросовестности и распределение рисков в обязательствах с участием публичного субъекта

Принцип добросовестности, закреплённый в пункте 3 статьи 1 и пункте 5 статьи 10 ГК РФ, относится к числу фундаментальных начал гражданского законодательства. Его содержание выражается в требовании разумного и честного поведения участников гражданского оборота, запрете злоупотребления правом и недопустимости извлечения преимуществ из собственного неправомерного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ).

В современной доктрине добросовестность рассматривается как объективный стандарт поведения «разумного и осмотрительного участника оборота» [13]. При этом применение данного стандарта не допускает презумпции недобросовестности и предполагает установление конкретных обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении правом либо сознательном участии лица в противоправной модели поведения.

В сфере публичных закупок принцип добросовестности носит взаимный характер и распространяется как на хозяйствующего субъекта — поставщика (подрядчика, исполнителя), так и на публичное образование, действующее через соответствующий орган. В соответствии со статьями 124–126 ГК РФ публичные образования участвуют

в гражданских правоотношениях на равных началах с иными субъектами. Заключая муниципальный контракт, орган местного самоуправления выступает как субъект гражданского права, а не как носитель властных полномочий.

Следовательно, публичное образование несёт гражданско-правовые последствия собственных действий на общих основаниях, если иное прямо не предусмотрено федеральным законом.

Процедура определения поставщика находится в сфере организационного и правового контроля заказчика: он выбирает способ закупки, формирует документацию, принимает решение о заключении контракта и обеспечивает соблюдение лимитов и иных требований законодательства о контрактной системе. Нарушение порядка определения поставщика относится к сфере организационного и правового контроля заказчика.

В теории обязательственного права распределение рисков связывается с критерием сферы контроля соответствующего обстоятельства [14]. Риск должен возлагаться на ту сторону, которая имела возможность предотвратить неблагоприятное последствие либо повлиять на его возникновение.

Применительно к муниципальным контрактам риск процедурного дефекта лежит на заказчике, тогда как риск представления недостоверных сведений или участия в антиконкурентном соглашении — на поставщике либо на обеих сторонах при доказанности их согласованных действий. Возложение на исполнителя всех имущественных последствий процедурного нарушения, допущенного заказчиком при отсутствии доказательств участия исполнителя в обходе закона, не соответствует общим подходам к распределению рисков в обязательственном праве и приводит к формированию модели ответственности, не основанной на вине исполнителя.

Ссылки на «профессиональный статус» участника закупочной деятельности как основание для вывода о его недобросовестности требуют осторожного подхода. Профессиональный характер деятельности предполагает обязанность проявлять разумную осмотрительность, однако не создаёт презумпции знания всех процедурных дефектов, допущенных заказчиком [13]. Признание подобной презумпции способно привести к смещению бремени доказывания и поставить под сомнение действие презумпции добросовестности, закреплённой в пункте 5 статьи 10 ГК РФ.

5. Судебная практика и методологическая проблема квалификации последствий ничтожности муниципального контракта

Анализ судебной практики последних лет позволяет выявить разнонаправленные подходы к определению имущественных последствий признания муниципальных контрактов ничтожными по основаниям нарушения статьи 93 Закона № 44-ФЗ.

В ряде дел суды исходят из восстановительной природы реституции и признают, что сама по себе ничтожность контракта не предопределяет применение модели, приводящей к одностороннему имущественному взысканию. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А42-920/2025 было указано, что отказ в компенсации подрядчику возможен лишь при установлении его недобросовестного поведения; если нарушение процедуры обусловлено действиями заказчика, а работы выполнены и приняты, одностороннее взыскание денежных средств не соответствует статье 167 ГК РФ [7].

Иной подход прослеживается в ряде решений арбитражных судов субъектов Российской Федерации, в частности по делам № А44-1131/2025 (Арбитражный суд Новгородской области) и серии дел Арбитражного суда Тверской области (например, № А66-9745/2024, № А66-9747/2024) [8–10]. В этих случаях контракт признавался ничтожным по мотиву искусственного дробления закупки, после чего полученные исполнителем денежные средства квалифицировались как неосновательное обогащение и взыскивались в полном объёме без самостоятельного анализа субъективного поведения подрядчика. При этом судебные акты апелляционной и кассационной инстанций исходили из установленной судом недобросовестности участников закупки и признали, что защита публичного интереса в условиях антиконкурентного поведения оправдывает применение последствий, приводящих к одностороннему имущественному взысканию.

Методологически значимым представляется то обстоятельство, что в отдельных судебных актах вывод о недобросовестности обосновывается множественностью контрактов как таковой либо профессиональным статусом исполнителя. При этом самостоятельного доказывания согласованных антиконкурентных действий либо злоупотребления правом, как правило, не производится.

Следует подчеркнуть, что в судебных актах, которыми удовлетворяются требования о взыскании денежных средств с исполнителя при сохранении результата исполнения у заказчика, суды исходят не только из формального установления процедурного нарушения, но и из вывода о недобросовестности участников закупки, выражающейся в согласованном поведении, направленном на обход конкурентных процедур. В подобных случаях суды рассматривают такие последствия как средство недопущения извлечения имущественной выгоды из противоправного поведения и защиты публичного интереса в сфере конкуренции.

Таким образом, различие правоприменительных подходов связано не столько с оценкой самого факта нарушения законодательства о контрактной системе, сколько с установлением либо неустановлением субъективного элемента поведения сторон.

С 1 января 2026 года частью 15 статьи 93 Закона № 44-ФЗ прямо закреплена возможность заключения нескольких контрактов в пределах установленных лимитов. Указанное положение не легализует обход конкурентных процедур, однако подтверждает, что множественность контрактов сама по себе не образует нарушения. Квалификация действий как антиконкурентных возможна лишь при наличии доказательств соглашения либо согласованных действий в понимании статьи 16 Федерального закона «О защите конкуренции».

Отсутствие самостоятельного анализа субъективного элемента и фактическое восполнение его презумпцией согласованности приводят к смешению публично-правовой оценки нарушения процедуры и частноправовых последствий недействительности сделки. В результате ничтожность контракта используется как основание для одностороннего имущественного взыскания без анализа поведения сторон.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие обобщающие положения.

Признание муниципального контракта ничтожным по пункту 2 статьи 168 ГК РФ выступает инструментом защиты публичного интереса и устранения юридической силы сделки, заключённой с нарушением императивных требований законодательства о контрактной системе. Однако сама по себе ничтожность не предопределяет характер имущественных последствий.

Статья 167 ГК РФ закрепляет восстановительную модель последствий недействительности сделки, основан-

ную на принципе эквивалентности встречных предоставлений сторон. Отступление от базовой модели двусторонней реституции возможно лишь при наличии специальных оснований, прямо предусмотренных законом, либо при доказанности обстоятельств, свидетельствующих о противоправной цели сделки, что предполагает квалификацию в рамках специальных норм гражданского законодательства.

Применение положений статьи 1109 ГК РФ к отношениям по возврату исполненного по недействительной сделке носит субсидиарный характер и требует установления конкретной осведомлённости о несуществовании обязательства. Квалификация полученного вознаграждения как неосновательного обогащения не должна основываться исключительно на факте ничтожности контракта без установления предусмотренных законом условий её применения.

Принцип добросовестности и логика распределения рисков предполагают возложение неблагоприятных имущественных последствий на ту сторону, в сфере контроля которой находилось соответствующее нарушение. Процедурный дефект закупки относится к сфере организационного и правового контроля заказчика и не может автоматически влечь перераспределение имущественных потерь в пользу публичного образования при отсутствии доказанного участия исполнителя в обходе закона.

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии методологической проблемы, выражающейся в смешении публично-правовой оценки процедурного нарушения и частноправовых последствий недействительности сделки. Подобная трансформация восстановительного института в механизм, выходящий за пределы его восстановительной правовой природы, способна нарушать баланс публичных и частных интересов. При этом разграничение восстановительных последствий недействительности и мер гражданско-правовой либо публично-правовой ответственности имеет принципиальное значение для обеспечения системности правового регулирования.

Применение последствий недействительности сделки, приводящих к одностороннему имущественному взысканию, может быть признано допустимым только в тех случаях, когда установлено не только нарушение процедуры закупки, но и доказано недобросовестное участие исполнителя в обходе конкурентных процедур, выраженное в согласованных действиях с заказчиком, представлении недостоверных сведений либо ином злоупотреблении правом. При отсутствии таких обстоятельств и при фактическом принятии результата исполнения заказчиком применение такой модели не согласуется с компенсационным характером последствий недействительности сделки, закреплённых в статье 167 ГК РФ.

Возможные направления совершенствования правового регулирования

Выявленная неопределённость в соотношении статьи 167 ГК РФ и специальных норм законодательства о контрактной системе позволяет поставить вопрос о возможном нормативном уточнении последствий признания муниципального контракта недействительным.

С учётом оговорки пункта 2 статьи 167 ГК РФ («если иные последствия не предусмотрены законом») представляется оправданным рассмотрение вопроса о внесении в Закон № 44-ФЗ положения, предусматривающего специальное определение имущественных последствий в случаях, когда:

– исполнение фактически произведено и принято заказчиком;

– результат исполнения обладает общественно полезным характером;

– недобросовестность исполнителя не доказана;

– процедурное нарушение допущено заказчиком.

В таком случае законом может быть прямо закреплено, что при указанных условиях исполнитель сохраняет право на получение эквивалентного возмещения стоимости фактически выполненного и принятого исполнения при одновременном сохранении возможности применения иных мер ответственности к заказчику в публично-правовой сфере.

Подобное регулирование может рассматриваться как согласующееся с действующей системой гражданского законодательства, поскольку оно основывается на диспозитивной оговорке статьи 167 ГК РФ и не исключает возможности отказа в защите в случаях доказанного злоупотребления правом либо участия исполнителя в антиконкурентном соглашении.

Соответствующее нормативное уточнение способствовало бы обеспечению системности правоприменения, предотвращению неоправданного перераспределения имущественных последствий исключительно на сторону исполнителя и сохранению превентивного значения законодательства о контрактной системе без искажения восстановительной природы института недействительности сделки.

При этом введение специального регулирования имущественных последствий не должно рассматриваться как освобождение заказчика от публично-правовой ответственности за допущенные нарушения законодательства о контрактной системе, включая меры бюджетной, административной либо антимонопольной ответственности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп., действующая редакция).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А42-920/2025.

8. Решение Арбитражного суда Новгородской области по делу № А44-1131/2025.

9. Решение Арбитражного суда Тверской области по делу № А66-9745/2024.

10. Решение Арбитражного суда Тверской области по делу № А66-9747/2024.

11. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. — М.: Статут, 2022. — 704 с.

12. Бевзенко Р. С. Недействительность сделок: современные проблемы теории и практики. — М.: Статут, 2013. — 336 с.

13. Карапетов А. Г. Свобода договора и пределы ее ограничения. — М.: Статут, 2012. — 560 с.

14. Сарбаш С. В. Обязательства и ответственность за их нарушение. — М.: Статут, 2015. — 480 с.

15. Егоров К. И. Неосновательное обогащение в гражданском праве. — М.: Статут, 2014. — 368 с.

16. Коновалов А.В. Недействительность сделок: проблемы теории и практики // Хозяйство и право. — 2016. — № 4.

Civil law consequences of invalidation of municipal contracts: restitution, good faith and risk allocation

Stamplevsky A.V., Goldvirt E.K.

Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Tver Region, Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights in the Novgorod Region

This article examines the civil law consequences of invalidation of municipal contracts concluded in violation of public procurement procedures under Federal Law No. 44-FZ governing public procurement. The study focuses on the interplay between Articles 167, 168, 10, and 1109 of the Civil Code of the Russian Federation in disputes concerning recovery of payments made under fully performed contracts.

The authors argue that the recognition of a contract as void serves primarily to protect public interests but does not, in itself, determine the allocation of property consequences between the parties. Restitution is conceptualized as a restorative mechanism aimed at re-establishing the balance of exchanged performances, rather than as a sanction.

A key finding of the study is that recovery of payments from the contractor, while the result of performance is retained by the public customer, is justified only where the contractor's bad faith is established, including participation in circumvention of competitive procedures or abuse of rights. In the absence of such elements, the application of one-sided property recovery contradicts the restorative nature of Article 167 of the Civil Code.

The article further develops a risk allocation framework, according to which procedural defects in procurement should be attributed to the public customer as the party controlling the procurement process, unless the contractor's involvement in the violation is proven. On this basis, the authors propose a differentiated approach to the application of restitution and unjust enrichment rules, aimed at ensuring doctrinal consistency and preventing the transformation of invalidity into a punitive mechanism.

Keywords: municipal contract, invalid transaction, restitution, unjust enrichment, good faith, public interest, risk allocation, public procurement, one-sided pecuniary recovery.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended and supplemented, current version).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ.
3. Federal Law of April 5, 2013, No. 44-FZ "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs."
4. Federal Law of July 26, 2006, No. 135-FZ "On the Protection of Competition."
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation."
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 "On Certain Issues of the Application of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of Contracts."
7. Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District in Case No. A42-920/2025.
8. Decision of the Arbitration Court of the Novgorod Region in Case No. A44-1131/2025.
9. Decision of the Arbitration Court of the Tver Region in Case No. A66-9745/2024.
10. Decision of the Arbitration Court of the Tver Region in case No. A66-9747/2024.
11. Sukhanov E. A. Civil Law: Textbook: in 4 volumes. Vol. 1. - Moscow: Statut, 2022. - 704 p.
12. Bevzenko R. S. Invalidity of Transactions: Modern Problems of Theory and Practice. - Moscow: Statut, 2013. - 336 p.
13. Karapetyan A. G. Freedom of Contract and the Limits of Its Restriction. - Moscow: Statut, 2012. - 560 p.
14. Sarbash S. V. Obligations and Liability for Their Violation. - Moscow: Statut, 2015. - 480 p.
15. Egorov K. I. Unjust enrichment in civil law. - M.: Statut, 2014. - 368 p.
16. Konovalov A. V. Invalidity of transactions: problems of theory and practice // Business and Law. - 2016. - No. 4.